

Н.В. Лукина

КОГДА ТРЕНЬКАЮТ СИНИЦЫ

Вступление. Евгения Алексеевна Алексеенко — автор книги «Кеты» (1967). Таково было мое первое знание о юбиляре. Этот труд, как и книги Л.В. Хомич «Ненцы» (1966) и Г.М. Василевич «Эвенки» (1969), сформировали у меня представление о классической этнографии, они были для меня книгами-учителями. Приступив в 1969 г. к изучению материальной культуры хантов, я опиралась на них и при сборе полевого материала, и в дальнейших исследованиях. В 1970 г. я впервые приехала на конференцию в Ленинградскую часть Института этнографии АН СССР, тогда и увидела самих авторов этих книг — сотрудников сектора Сибири. Затем мне много раз доводилось бывать в этом секторе, где я чувствовала себя очень комфортно — во всех отношениях. Здесь обсуждались и были рекомендованы к защите обе мои диссертации. Должна сказать, что все эти годы я не была особенно близка с Евгенией Алексеевной по деловой линии, но ее личность, черты характера, обращение с людьми, что называется, запали в душу. Подружились мы в последние два года. В 2008 г. я переехала из Томска в Санкт-Петербург, и у меня появилась возможность навещать Евгению Алексеевну в пансионате (Санкт-Петербургский дом-пансионат ветеранов науки РАН, г. Пушкин, Павловское шоссе, д. 93). Здесь я узнала многие подробности ее жизни, нынешние настроения и заботы. Замечу, что эти посещения для меня самой очень важны, они помогают мне поддерживать живую связь с коллегами-этнографами и адаптироваться к новой жизненной ситуации.

Коллеги. В секторе Евгения Алексеевна была особенно дружна, близка с Верой Павловной Дьяконовой. Их рабочие столы стояли рядом, и здесь же был столик для чаепитий. (Эти чаепития я хорошо помню, довелось не раз бывать на них. Обычно к чаю приходил Ростислав Васильевич Кинжалов, бывали и другие сотрудники института.) Теперь Вера Павловна уже много лет живет в Америке, но они постоянно разговаривают по телефону, обсуждают научные и житейские дела. Благодаря Евгении Алексеевне мне удалось связаться с Верой Павловной и поговорить о моей аспирантке-тувинке. Но, конечно, главная тема их нынешних бесед — состояние здоровья

обеих. Вера Павловна звонит чаще и подолгу, так что можно выяснить все подробности — вплоть до того, кто какую кашу ел сегодня на завтрак. В мае 2009 г. Вера Павловна с сыном приезжали в Санкт-Петербург и навестили Евгению Алексеевну в пансионате.

Евгения Алексеевна тепло вспоминает Глафиру Макарьевну Василевич, в которой ее привлекала жизнестойкость и женственность. Глафира Макарьевна любила красивую модную одежду. Однажды она пришла на работу в шляпке, которую купила в «Пассаже», заставив продавцов вынуть ее из витрины. Другой эпизод. Когда тяжелобольная Глафира Макарьевна лежала в больнице, ее навестили (накануне кончины) Евгения Алексеевна с Людмилой Леонидовной Левизи. Глафира Макарьевна (в ее состоянии) заинтересовалась туфлями: «Люся, повернись, покажи каблучок».

В наших разговорах в пансионате нередко речь заходит о Елене Геннадьевне Федоровой. Евгения Алексеевна рассказывает, что помнит, как в отдел пришла школьница в шапочке с помпоном и спросила: «Где можно выучиться на этнографа, чтобы ездить в Сибирь?»

Наши встречи. В научных делах меня с Евгенией Алексеевной объединяет участие в подготовке сборников фольклора изучаемых нами народов, хотя работаем мы независимо друг от друга. В 1980—1990-х гг. по предложению Елены Сергеевны Новик мы подготовили сборники хантыйского и, соответственно, кетского фольклора для серии «Сказки и мифы народов Востока» (Главная редакция восточной литературы). У Евгении Алексеевны работа над кетским сборником шла с задержками: вначале причиной была болезнь и кончина матери; затем, когда она «собрала себя по кусочкам», заболел и умер брат. Сейчас мы обе — ответственные редакторы хантыйского и кетского томов в серии «Памятники фольклора Сибири и Дальнего Востока», издаваемой в Сибирском отделении РАН.

Мы много раз встречались с Евгенией Алексеевной в разных городах. Когда она впервые приехала в Томск (в 1970-х гг.) на Дульзеновские чтения, я показала ей Областной краеведческий музей и Музей археологии и этнографии Сибири в Томском университете. Позднее это были приезды на западносибирские археолого-этнографические совещания. Однажды я возила ее «на природу» в окрестностях Томска и в татарской деревне Черная речка завела к местному мастеру по камню. В Томске Евгении Алексеевне очень понравились ириски местного производства, потом я отправляла ей такие гостинцы с Е.Г. Федоровой. От встречи на конференции в Новосибирске ниточка тянется к нынешним дням. Мы жили в одной

гостинице, по вечерам вместе пили чай, и мне очень понравилась кружка Евгении Алексеевны. Она подарила ее мне, потом кружка понравилась Владиславу Михайловичу Кулемзину и перешла к нему. В 2009 г. он звонил мне в Петербург и просил узнать у Евгении Алексеевны об этой кружке. Оказывается, кружка была с ним в больнице, а его хирург коллекционирует кружки с историей. Итак, кружка перешла в новые руки, стали выяснять историю. В связи с этим вспомнилось, как Сергей Васильевич Иванов сетовал: «Никто не изучает историю вещей». В 1982 г. на конференции «Финно-угорский музыкальный фольклор: проблемы синкретизма» (Таллин) мы жили с Евгенией Алексеевной в одном номере. Она в телефонном разговоре с Ростиславом Васильевичем сказала об этом соседстве, и он был рад: «С сибиряками — надежно».

Дом. Евгения Алексеевна жила в кооперативной однокомнатной квартире (ул. Шепетовская). Впервые я побывала здесь в 1988 г., когда в квартире жила Ева Шмидт, и мы с ней «доводили» ее кандидатскую диссертацию. Ева кормила синиц, как просила Евгения Алексеевна, а еще проводила обряды угощения хантыйских духов. Второй раз я побывала здесь в 2009 г., когда Евгения Алексеевна уже жила постоянно в пансионате, а домой приезжала лишь изредка. Я обратила внимание на картину, которая висела рядом с кроватью. Вот рассказ о картине: «Это бабушкин дом. По Павелецкой железной дороге, когда сойдешь на станции Ленинская (тогда так называлась), налево находились Горки Ленинские, а направо, в четырех верстах от станции, — село Домодедово. Один конец села назывался “Слобода конец”, там мы (Быковы) жили у бабушки — Смирновой Дарьи Григорьевны. Это домик нашего детства. Уже когда мы стали взрослыми, я и сестра Лариса (сейчас живет в Москве) попросили брата-художника Виктора нарисовать домик. Он рисовал, мы с сестрой напоминали ему детали, добавили козу, куриц, получилось немного лубочно».

Я спрашиваю: «Почему бы Вам не продать квартиру?» Она отвечает: «Пока есть эта квартира, я живу с чувством, что у меня есть дом. Я плохо вижу вещи, но руки их помнят. Даже знакомая ворона на дереве за окном — это дом».

Памятной осталась наша встреча на квартире в начале апреля 2009 г. За день-два до этого Евгения Алексеевна была на квартире Ростислава Васильевича (там жила его тяжелобольная сестра Маргарита) и принесла оттуда часть документов из семейного архива. Из-за слабого зрения она не могла прочитать некоторые листы и попросила об этом меня. Особенно она волновалась по поводу ма-

ленькой пожелтевшей бумажки с выцветшими строчками. Оказалось, что это «переписка» между матерью Ростислава Васильевича — Ольгой Федоровной — и его репрессированным отцом Василием Гавриловичем. Она перечисляла вещи, которые передает ему за решетку, он подтверждает получение вещей. Записка относится к 1938 г. Меня поразили этот крошечный документ. Тогда и позднее Евгения Алексеевна много рассказывала о судьбе репрессированного Василия Гавриловича.

О кетах. При наших встречах Евгения Алексеевна часто рассказывает о своих экспедициях к кетам, о личных судьбах многих из них. Большое впечатление произвел на меня следующий ее рассказ. «В 1971 г. наш отряд ехал в экспедицию с шаманской тематикой. Мы жили в деревне Алинская на Енисее. Привезли сюда из Келлога шаманские вещи, купленные для МАЭ. Здесь жил Егор Сергеевич Суглин, его отец — шаман. Мы обдумывали, как перейти к разговору о шаманстве. Решили начать с предмета — бубна. Стали расспрашивать, как загибается обечайка. Перешли на другие детали. В процессе объяснения я поняла всю знаковую систему шаманской атрибутики. Поняла ее связь с идеологией. От этого открытия у меня захватило дух. Вышла из домика на крыльцо, чтобы передохнуть. Готова была стать на голову от радости». Мне, как этнографу-полевому, хорошо знакомо это чувство.

В связи с темой о шаманстве приведу эпизод из жизни Евгении Алексеевны, имевший место в 2009 г. В начале апреля она приехала из пансионата на свою квартиру, и мы договорились о встрече. За чаем я услышала рассказ о том, что на днях она выступала с докладом о кетском шаманизме в медицинском учреждении, где проходила лечение. Собственно рассказ был о том, что доклад длился довольно долго, ее привезли домой поздно вечером, а здесь ждала встревоженная подруга, которая потеряла Евгению Алексеевну и очень беспокоилась. Позднее я нашла в Интернете информацию об этом докладе, который состоялся 2 апреля 2009 г. в Институте клинической медицины и социальной работы им. М.П. Кончаловского¹.

Евгения Алексеевна общалась с молодыми кетами, когда они учились в Институте народов Севера ЛГПУ/РГПУ им. А.И. Герцена. До недавнего времени помогала кетским аспирантам в подготовке кандидатских диссертаций, хотя не являлась их официальным научным руководителем. И сейчас у нее с кетами налажена постоянная связь.

¹ URL: <http://www.celenie.ru/projects.html>.

Ей звонят в пансионат из Келлога, Верхнеимбатска, Туруханска. В 2009 г. звонила Людмила Котусова, которая окончила РГПУ им. Герцена, работает в Туруханском отделе народного образования. Она просила выслать книгу «Кеты»: «У Вас самая верная запись кетской лексики». (Имеется в виду книга «Кеты», вышедшая в 1999 г. в издательстве «Просвещение». Было объявлено второе издание, Евгения Алексеевна подготовила его, сдала в издательство, но книга не вышла до сего дня.) Кеты приезжают к Евгению Алексеевну в пансионат, находят и прорываются к ней, даже когда она лежит в больнице. В пансионат приезжала Зоя Муксунова, кандидат филологических наук.

Знакомые кеты нередко жили на квартире у Евгения Алексеевны, когда приезжали в Ленинград/Санкт-Петербург. Она вспоминает: «Получаю телеграмму: “Такого-то числа приезжает Люда, встречайте. Галя”. Какая Люда? Что встречать — поезд, самолет? Еду в аэропорт, высматриваю среди пассажиров людей маленького роста — кто похож на кетов. Иногда приезжают без предупреждения, звонят в дверь. Заходит сначала одна, говорит, что у подъезда стоят еще трое. Живут у меня вчетвером, спят на полу. Ростислав Васильевич вынужден переселиться на время к своей матери. Но он понимал, никогда не роптал».

В 2009 г., будучи в Томске, я зашла на кафедру языков народов Сибири Педагогического университета, когда там шло занятие с учительницами-кетами. Я сказала, что скоро поеду в Санкт-Петербург и увижу Евгению Алексеевну. Они просили передать привет, а одна сказала: «Скоро туда едет моя дочь, она навестит Евгению Алексеевну».

Кетской ниточкой с Евгенией Алексеевной связаны и ее ближайшие подруги-помощницы, сотрудницы МАЭ, — Зоя Леонидовна Пугач и Людмила Леонидовна Левизи. Они несколько раз ездили вместе в экспедицию в составе Туруханского отряда. В 1972 г. совершили поездку на Подкаменную Тунгуску, с тех пор они называют себя «отряд» и до сего дня поддерживают друг друга.

Синицы. В конце января 2010 г. я в очередной раз приезжала к Евгению Алексеевну. Она встретила меня оживленная: «Уже тренькают синицы. Я заметила, что с приближением тепла они вначале тренькают, потом уже пересвистываются». В этот приезд у меня была задача — уточнить некоторые детали к данной статье. Перед моим уходом Евгения Алексеевна еще раз вспомнила о тренькании синиц и просила сказать об этом в статье.